

УДК 130.2

С. Г. Ретинский

(аспирант кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

**УЧЕНИЯ О НАЦИЯХ И ГОСУДАРСТВЕ
В ФИЛОСОФИИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
(МОНТЕСКЬЁ, ВОЛЬТЕР И ДР.)**

***Аннотация.** Анализ взаимосвязи современного понятия нации с его истоками в философии французского Просвещения является основной темой данной статьи. Автор предпринимает попытку раскрыть основные характеристики нации, представленные французскими просветителями, и сравнить их с современными ключевыми характеристиками данного понятия. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что Просвещение внесло существенный вклад в формирование нынешнего понимания нации.*

***Ключевые слова:** Просвещение, общество, нация, климат, законы, материалистическое понимание истории.*

S. G. Retinsky

(Postgraduate student of the Department of Philosophy)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

**THE TEACHINGS OF NATIONS AND THE STATE
IN THE PHILOSOPHY OF THE FRENCH ENLIGHTENMENT
(MONTESQUIEU, VOLTAIRE, ETC.)**

***Abstract.** The analysis of the relationship between the modern concept of a nation and its origins in the philosophy of the French Enlightenment is the main topic of this article. The author attempts to reveal the main characteristics of the nation, presented by the French enlighteners, and compare them with the modern key characteristics of this concept. As a result of the conducted research, it is concluded that the Enlightenment has made a significant contribution to the formation of the current understanding of the nation.*

***Key words:** Enlightenment, society, nation, climate, laws, materialistic understanding of history.*

Переход от Средневековья к Новому времени ознаменовался формированием первых национальных государств. В этот период европейским мыслителям необходимо было ответить на следующий вопрос: как объяснить многообразие народов

с их внешними особенностями, языками, религиями, традициями, характерами, законами и формами управления? Ряд плодотворных идей предложили философы французского Просвещения, в трудах которых, помимо прочего, получили свое рассмотрение понятия нации и национального государства.

В XVII-XVIII вв. пользовались популярностью теории, согласно которым имеющиеся различия между странами в первую очередь зависели от географических условий. Так, Ш. Монтескьё утверждал, что климат оказывает прямое воздействие на поведение людей, определяя тем самым форму управления и социально-политическую систему той или иной страны [1, с. 350]. Он выделял такие элементы, как климат, рельеф и почва. Холодный климат «придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным», а жаркий климат «подрывает силы и бодрость людей» [1, с. 387]. В связи с этим народы Востока не способны на подвиг, а индийцы вообще лишены мужества, свойственного европейскому климату. Им противопоставлялось население Северной Европы, которое смогло бросить вызов Римской империи и в конечном счёте уничтожить её, «благодаря одному лишь здравому рассудку, связанному с грубыми волокнами тела жителей этих климатов» [1, с. 353].

Кроме климата на «образ правления», к которым Ш. Монтескьё причислял республику, монархию и деспотию [1, с. 169], оказывает существенное влияние рельеф. В Азии, разделённой горами и морями на большие территории, могли существовать только крупные империи с деспотической властью. В противном случае они были бы разделены на сравнительно небольшие государства. В Европе, напротив, в силу естественных причин сформировались государства средних размеров [1, с. 391]. Для обеспечения их прочности достаточно республиканской или монархической формы правления. В дополнение к этому Ш. Монтескьё отмечал, что на островах жители более расположены к свободе, чем на континенте. Дело в том, что острова небольшие по величине, они отрезаны от империй морем и там сложнее использовать одних для угнетения других [1, с. 395].

Неплодородная почва также пробуждает в людях мужество и боеспособность, потому что им необходимо самостоятельно доставать «то, в чем им отказывает почва». При этом в странах с плодородной почвой утверждается дух зависимости, т.к. плодородие приводит к нежеланию подвергать свою жизнь опасности. Если в деревне достаточно всевозможных благ, то жители опасаются её разграбления. Крестьяне чрезмерно загружены работой и не слишком обеспокоены собственной свободой. Ш. Монтескьё обращал внимание на то, что войска, собранные в таких зажиточных регионах Германии, как Саксония, уступают остальным в боевой готовности, в связи с чем он предлагал вводить соответствующие военные законы для поддержания дисциплины [1, с. 392-394].

Однако географическими факторами вопрос не исчерпывался. Согласно Ш. Монтескьё, они безраздельно властвуют только над дикарями. Кроме этих факторов народами управляют также законы, нравы, обычаи, религия, примеры прошло-

го и принципы правления, которые в совокупности образуют так называемый дух народа [1, с. 412].

По мере усиления влияния одной причины ослабляется действие другой. Так, над Спартой доминировали нравы, над Римом – принципы правления, над Китаем – обычаи, над Японией – законы. В связи с тем, что японский народ обладал «свирепым характером», законодатели и правители не доверяли ему и говорили о «судьях, угрозах и наказаниях». Но если японец и шагу не мог ступить «без полицейского надзора», то индеец – «кроток, нежен и сострадателен». В Индии законодатели выражали собственному народу большее доверие, поэтому назначили ему сравнительно мягкие наказания. Особый климат, считал Ш. Монтескьё, порождает «чистые нравы» и «краткие законы» [1, с. 361].

В XVIII в. учение Ш. Монтескьё стало важным шагом на пути разработки материалистического понимания истории. Его главный недостаток состоял в стремлении объяснить особенности тех или иных наций с помощью географических факторов. И тем не менее называть концепцию Ш. Монтескьё природным детерминизмом не совсем точное, т.к. он пытался найти и другие причины, влияющие на процесс общественного развития. При этом дальнейший ход социально-философской мысли должен был вести к выявлению экономических связей, которые, собственно говоря, и образуют нации.

Одним из первых критиков концепции Ш. Монтескьё стал Вольтер. Он отмечал, что если во многих странах мира климат за последние несколько тысячелетий изменился незначительно, то за тот же период сменилось несколько социально-политических режимов и значительно трансформировался дух народов. В качестве примеров Вольтер приводил Грецию и Италию: «Почему в Афинах нет более ни анакреонов, ни аристотелей, ни зевксисов?

Как объяснить, что в Риме место цicerонов, катонов и титов ливиев заняли граждане, не смеющие выразить свои мнения, и глупая чернь, для которой высшее блаженство состоит в том, чтобы достать по дешёвке масло и глазеть на проходящие процессии?» [2, с. 184].

Когда Вольтер критиковал Монтескьё и его предшественников, это вовсе не означало, что сам он полностью отрицал воздействие географических факторов. Напротив, «некоторой грубоватостью» народов, проживающих в странах с северным климатом, он объяснил отсутствие у них живописцев, трагиков и комиков, которые «пользовались бы признанием цивилизованных наций». В таких странах живут вполне состоятельные люди, располагающие досугом, но не обладающие чуткостью, необходимой для того, чтобы разбираться в зрелищах. Но если среди них всё-таки появляются те, кто обладает хорошим вкусом, то они предпочитают приобретать итальянские картины и обращаются к итальянской музыке. Полностью лишены вкуса, отмечал Вольтер, народы Азии, поэтому там отсутствуют «живопись и многоголосная музыка, красота в скульптуре и правильность в архитектуре» [3, с. 617].

Вольтер доказывал не отсутствие влияния климата на национальный характер народов, а его относительно меньшую роль по сравнению с влиянием системы законов, воплощённой в образе правления. В.Н. Кузнецов обращал внимание на то, что если Ш. Монтескьё объяснял влиянием климата особенности нации и соответствующий им образ правления, то Вольтер настаивал на необходимости формировать с помощью системы законов новых черт национального характера. Ввиду этого законодатель обязан не приспособлять систему законов к определённому климатом психическому складу нации, а утверждать законами гражданскую свободу, даже несмотря на нравы и обычаи народов, длительное время находящихся под гнётом деспотизма [4, с. 189-191].

Положительные изменения в этом направлении происходили во Франции уже при жизни Вольтера: «храм разума» постепенно овладевал Францией, просвещалась провинция, а судьи приобретали «возвышенный образ мыслей» [5, с. 315]. Но приобретать «человеческий образ» французская нация начала тогда, когда министерские посты стали занимать философы. Вольтер называл их «первой поддержкой королевской власти» [6, с. 310] и надеялся, что «философия, которая сейчас окружает трон, скоро будет на троне» [7, с. 496]. Другими словами, он выступал за установление во Франции просвещённого абсолютизма.

К.Н. Беркова объясняла такую позицию тем, что буржуазия, интересы которой отстаивал Вольтер, ещё не окрепла для выдвижения собственных требований и тем самым пыталась найти поддержку в королевской власти. Ввиду этого Вольтер, который сам занимал промежуточное социальное положение между дворянами и капиталистами, возлагал определённые надежды на просвещённых монархов. К таковым он относил Екатерину II и Фридриха II, а одним из достижений просветительской философии считал уничтожение пыток в России и Пруссии [8, с. 496].

Вольтер придавал большое значение определявшей судьбу целой нации воле великих людей, в особенности монархов. Во всех странах, считал он, рано или поздно появится государь, который избавит людей от рабства, как это произошло в Англии, Голландии, Швейцарии, Швеции и др. По Вольтеру, говорить о свободе можно только находясь в зависимости от законов [9, с. 546]. Он поддерживал борьбу Ш. Монтескьё против всех видов рабства с помощью разума и выступал за возвращение рабам свободы как их природного права. Соответствующее обращение было подготовлено им к французскому королю [10, с. 549-550].

«Настоящей историей» Вольтер называл ту историю, которая описывает полезную государству деятельность царя [11, с. 557]. Одновременно с этим, как считал Е.А. Косминский, он заложил основы истории культуры. «Теперь хотят знать, – указывал Вольтер в письме к И.И. Шувалову, – как росла нация, каково было ее народонаселение в начале эпохи, о которой идет речь и в настоящее время; как выросла с тех пор численность войск, которые она (нация) содержала и содержит; какова была ее торговля и как она расширилась, какие искусства возникли в самой стране и какие были заимствованы ею извне и затем усовершенствованы; каковы

были приблизительно государственные доходы в прошлом и в настоящем, как возникли и развивались морские силы; каково было численное соотношение между дворянами, духовенством и монахами и между ними и земледельцами и т.д.» [12, с. 185]. Следовательно, он одним из первых обратил внимание на социально-экономическую сторону исторического развития общества.

Во всемирную историю Вольтер включил не только историю европейских наций, но и историю других народов, указав, в частности, на значительную роль стран Востока в истории Европы. Согласно Е.А. Косминскому, такая позиция свидетельствует об отказе от европоцентризма [12, с. 192]. Кроме того, Вольтер писал историю еврейского народа как историю других народов и не выделял её отдельно, как это делали его предшественники, связывавшие еврейскую историю с библейской эпохой. Он продемонстрировал необоснованность утверждения о том, что восточные народы много чего переняли у евреев. Напротив, древние иудеи появились на исторической сцене гораздо позже, часто находились под чужим господством и позаимствовали религиозные воззрения у народов Вавилона, Египта, Персии и др. Еврейские кочевые племена окружали богатые и мощные страны с развитыми ремёслами, сельским хозяйством, ирригационными системами [12, с. 199].

Вольтер стремился обобщить историю и свести её к основным направлениям. Но когда он пытался представить внутреннюю связь всех сторон исторического процесса, то здесь наблюдались шатания между разными точками зрения, считал Е.А. Косминский. «То он говорит о «духе времени», который производит важнейшие события, не определяя точнее это понятие, то он приписывает прогресс развитию естественных наук и техники, то обосновывает исторические события гением каждого народа», – писал Е.А. Косминский о Вольтере [12, с. 194-195]. Одновременно с указанием на особенности национального характера отдельных народов, которые влияют на ход истории, Вольтер считал, что исторические явления представляют собой продукт деятельности выдающихся людей.

Ю.И. Семёнов прямо называет Вольтера эклектиком. Он рассматривает его в качестве родоначальника многофакторного подхода к истории, пользующегося широкой популярностью и в настоящее время [13, с. 280-281].

В то же время В.Н. Кузнецов обращал особое внимание на выдвинутое Вольтером положение «мнение правит миром» и считал его сутью не только собственно вольтеровского, но и общепросветительского понимания истории [4, с. 192]. Главной силой исторического процесса выступают идеи, которые обуславливают все происходящие события. Тот факт, что разрушившие Римскую империю варвары через некоторое время были вынуждены принять римское право и изучать античную классику, доказывает, что мнение является более влиятельным, чем сила.

С одной стороны, утверждение «мнение правит миром» стало основой для идеалистического понимания истории, даже несмотря на признание того, что идеи определяются социальным окружением. Дело в том, что последнее само формируется под воздействием идей законодателей, а значит, одни идеи создаются други-

ми. С другой – вольтеровское положение подтолкнуло просветителей к осмыслению того, что люди сами творят историю. В последующем осознание влияния идей на общественные процессы способствовало революционному преобразованию французского общества [4, с. 193-194].

Идея о прогрессе человеческого разума как движущей силы исторического процесса получила развитие в трудах Ж.А. Кондорсе. Он отмечал, что представить картину прогресса человеческого разума можно в том случае, если рассматривать развитие «с точки зрения результатов относительно массы индивидов, сосуществующих одновременно на данном пространстве, и если проследить его из поколения в поколение» [14, с. 4]. Дальнейшее улучшение общества Ж.А. Кондорсе связывал с совершенствованием человека и уменьшением неравенства между нациями и классами [14, с. 221].

Ж.А. Кондорсе обращал внимание на существенную разницу между политическим и фактическим равенством, которая в прошлом привела к исчезновению свободы. Имеющиеся различия обусловлены неравенством богатства и образования, а также неравенством, возникающем из-за неодинаковых возможностей наследования имущества. Полностью уничтожить неравенство, считал Ж.А. Кондорсе, невозможно по причине его «естественности» и «необходимости» [14, с. 228-229]. Однако правильное образование позволяет уменьшить «естественное неравенство способностей», а хорошие законы – «естественное неравенство в распределении средств существования». В таком обществе становится больше свободы, и все его члены пользуются общими правами [14, с. 234].

«Реальные преимущества, как результаты прогресса, контуры которого почти ясно вырисовываются, могут иметь пределом только совершенствование человеческого рода, ибо по мере того как различные роды равенства предоставят ему более широкие средства удовлетворения наших потребностей, дадут ему возможность получать более широкое образование, позволят ему пользоваться более полной свободой, и чем действительнее будет это равенство, тем он всё более будет приближаться к моменту, когда сможет охватить всё то, что действительно составляет счастье людей», – писал Ж.А. Кондорсе, преисполненный веры в бесконечный прогресс человечества [14, с. 234-235].

Распространение знаний, считал Ж.А. Кондорсе, помогает преодолеть социальную пропасть. Вместо слепого повиновения гражданам предоставляется право делать разумный выбор и добровольно соглашаться поручить самым просвещенным членам общества управление делами государства [14, с. 233]. Положения французской конституции, которые были досконально изучены образованными людьми, получили широкое распространение в Европе, и дальнейшему их продвижению среди рабов и угнетённых не могли помешать даже усилия тиранов и священников. Ж.А. Кондорсе отмечал, что если в стране сформировалось мудрое правительство, то Просвещение будет проходить исключительно мирным путём, а если нет – то насильственными методами [14, с. 223]. Благодаря Просвещению внеш-

неполитическими принципами самых могущественных наций непременно станут равенство между народами и уважение к независимости слабых государств [14, с. 227].

Ж.А. Кондорсе рассчитывал на то, что Просвещение выйдет за пределы Европы и перекинется на другие континенты. На место монахов, проповедовавших среди отдалённых народов одни лишь суеверия, должны были бы прийти просвещённые люди, распространяющие истины и расширяющие у них осознание своих прав и интересов. Кроме того, расширение сферы влияния цивилизованных наций, считал Ж.А. Кондорсе, неизбежно приведёт к падению восточных религий. В конечном итоге землю станут населять исключительно свободные люди, господином которых будет лишь их собственный разум [14, с. 225-228].

Иной точки зрения придерживался Ж.-Ж. Руссо. Он выделял естественное состояние человечества, при котором существовало равенство и отсутствовало угнетение, и современное ему общество, характеризующееся наличием собственности и разделением людей на классы, что приводит к смутам, сражениям и убийствам. В результате человеческий род оказался в состоянии «самой страшной войны», которая поставила его «на край гибели» [15, с. 119]. Социальное неравенство увеличивалось с развитием человеческих способностей и стало легитимным благодаря возникновению собственности и установлению соответствующих законов [15, с. 139]. Последние «наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому», тем самым окончательно уничтожив естественную свободу. С тех пор человечество было обречено на труд, нищету и рабство [15, с. 121].

По Ж.-Ж. Руссо, если народ непосредственно не утвердил закон, то он недействителен. Дело в том, что идея о «представителях народа в собраниях нации» возникла одновременно со злоупотреблением властью, преобладанием частных интересов над общими, отсутствием любви к родине и т.д. Следовательно, депутаты не являются представителями народа, а значит, не могут принимать окончательное решение. Так, Ж.-Ж. Руссо не соглашался с вольтеровскими утверждениями о свободе англичан. Он считал, что английский народ «свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны – он раб, он ничто» [16, с. 221-222].

Выход из сложившейся ситуации Ж.-Ж. Руссо видел в Общественном договоре. «Найти такую форму ассоциации, – писал он, – которая защищает и ограждает всеобщую силу личности и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [16, с. 160]. Общественный договор лишает индивида естественной свободы, ограниченной его физической силой, и наделяет свободой гражданской, которая не выходит за рамки общей воли. На основе этого формируется Политический организм, объединяющий людей, которые ранее жили изолированно, в социальное целое. Представления Ж.-Ж. Руссо об Об-

ществленном договоре, который заключают между собой равные участники, в дальнейшем легли в основу Декларации прав человека и гражданина.

Французское Просвещение придавало большое значение анализу социальной практики своего времени и внесло огромный вклад в понимание объективных законов общественного развития. Перед просветительской мыслью стояла задача найти в материальном мире факторы, определяющие поведение людей, объясняющие возникновение и развитие наций и национальных государств, раскрывающие суть проблемы субъекта исторического процесса. Буржуазная революция во Франции, открывшая путь к развитию капиталистического общества во всём мире, стала практической версией философии французского Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Монтескьё, Ш. О духе законов / Ш. Монтескьё // Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 159-733.
2. Вольтер. Из «Философского словаря» / Вольтер // Бог и люди. – М.: Академия наук СССР, 1961. – Т. 2. – С. 74-250.
3. Вольтер. Письма графу И. И. Шувалову / Вольтер // Избранные произведения. – М.: Гослитиздат, 1947. – С. 603-617.
4. Кузнецов, В. Н. Франсуа Мари Вольтер / В. Н. Кузнецов. – М.: Мысль, 1978. – 223 с.
5. Вольтер. Письмо Даламберу от 26 июня 1766 г. / Вольтер // Бог и люди. – М.: Академия наук СССР, 1961. – Т. 2. – С. 315-316.
6. Вольтер. Письмо Даламберу от 16 октября 1765 г. / Вольтер // Бог и люди. – М.: Академия наук СССР, 1961. – Т. 2. – С. 309-310.
7. Беркова, К. Н. Вольтер / К. Н. Беркова // Вольтер: pro et contra, антология. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 492-509.
8. Вольтер. Письмо Екатерине II от 10 июля 1771 г. / Вольтер // Избранные произведения. – Гослитиздат, 1947. – С. 589-590.
9. Вольтер. Мысли о государственном управлении / Вольтер // Избранные произведения. – Гослитиздат, 1947. – С. 546-548.
10. Вольтер. Рабство / Вольтер // Избранные произведения. – Гослитиздат, 1947. – С. 549-551.
11. Вольтер. Из «Истории Российской империи при Петре Великом» / Вольтер // Избранные произведения. – Гослитиздат, 1947. – С. 554-578.
12. Косминский, Е.А. Историография средних веков / Е.А. Косминский. – М.: Издательство Московского университета, 1963. – 430 с.
13. Семёнов, Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семёнов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.

14. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 265 с.
15. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо // Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – С. 51-150.
16. Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 151-256.